

УДК 1Ф

Закунов Ю.А.

МЕТАФИЗИКА РУССКОЙ ИДЕИ И.А.ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье кратко излагается суть историософской модели И. А. Ильина, намечаются возможные линии её приложения и конкретизации, в частности для определения категории «ценность» и констант современного развития России.

Ключевые слова: русская идея, Ильин, духовная цельность, ценности, концепция И.А.Ильина, Истина, Красота, Добро, Любовь, культура, Государство, самосознание.

Наследие И. А. Ильина напоминает звездное небо — чем дальше всматриваешься в него, тем больше видно звезд. Однако, богатство драгоценных деталей, многообразие конфигураций и интерпретаций не должно заслонить главного, того что обращено к вечности и призвано светить всегда. Часто «за деревьями не видят леса», то есть того главного, что составляет саму суть учения. В формулировке русской идеи И. А. Ильин исходил из понимания главных движущих сил развития истории и констант бытия в их абсолютном метафизическом измерении в согласии с православным вероучением. В данной статье, кратко изложив суть историософской модели И. А. Ильина, попробуем наметить возможные линии её приложения и конкретизации, в частности для определения категории «ценность» и констант современного развития России.

После перенесения праха И. А. Ильина, передачи архива, издания на родине его трудов, защиты множества диссертаций заканчивается очередной этап его возвращения. Двадцать лет — достаточный срок, чтобы отпало конъюнктурное, а количество, перейдя в качество, обнаружило самое существенное, не подвластное времени. Именно, оно оказалось востребованным сейчас, на новом историческом витке, когда назрела необходимость преобразования российской жизни на принципиальных ценностных основаниях в соответствии с исконной природой и высшим

предназначением. Историческое понимание России позволило И. А. Ильину сформулировать русскую идею как особый целостный творческий акт, в котором прочитывается завещание не только сегодняшней России, но всему человечеству.

Сейчас актуальна не просто реконструкция религиозно-философского наследия И. А. Ильина, но возможность на её основе решения социально-политических проблем и познавательных задач современного гуманитарного знания. Это применение его концептуальных моделей и метода при анализе общественных структур, процессов и явлений, составления конкретных программ и рекомендаций в сфере этнополитики, права, экономики, образования, науки, культуры, религии, осуществления различных социальных проектов. Речь идет не о превращении его в очередную икону, а учения в доктрину, но об овладении творческим методом (актом), который будет всегда востребован теми, кто жаждет правды, любви и свободы.

Философ постоянно указывал, что спасение в цельности, врагами которой всегда были расколы, односторонность, пошлость. Сегодня все чаще звучат призывы строить Россию на ценностных основаниях, однако природа ценностей как таковых не осмыслена до конца.

В свое время Гегель отвечая на вопрос, не кажется ли ему, что его философская система малопонятна и плохо соотносится с действительностью, сказал: «Тем хуже для действительности!». И. А. Ильин чужд абстрактных диалектических противоречий, умозрительных искусственных синтезов и доктринерства. Он дает шанс строить национальную Россию на прочной целостной духовной основе, отбросив крайности чистого рационализма и эмпиризма с одной стороны, и фанатичную религиозность, отвергающую научную и техническую культуру с другой. Речь идет о новой метафизике или духовном реализме, где преодолевается *антитетичность*, *абсурдность* бытия и мышления, предлагается творческий актологический метод практической философии, чуждый как западной традиции абстрактного рационального мышления, так и модной культуре постмодерна эпохи глобализации. Отдавая предпочтение аксиологическому подходу в определении культуры в целом и ее духовного ядра, для нас ценно утверждение Ильиным приоритета духовно-нравственного измерения всех сторон человеческого бытия: экономических, политических, социальных. Теоретическое осмысление и обоснование этого тезиса согласуется с фактами, всей логикой и смыслом исторического процесса, ролью и традициями православия, богатейшим духовным наследием отечественной консервативно-охранительной мысли, а также наглядным отрицательным опытом осуществления их ценностных духовных антиподов.

Итак, И. А. Ильин утверждает духовную цельность ПРЕДМЕТНОСТИ, ЛЮБВИ и СВОБОДЫ, где конкретное наполнение и взаимосвязь достигаются на основе единого ДУХА через разрешение противоречий между *данной* предметной сферой и индивидуальностью субъекта, предметной и субъективной *заданностью* в формах *осуществления*, то есть в верно найденных способах преображения мира «его любовным пониманием и деланием». Это динамичное цельное выражение христианской идеи преображения через определение констант исторического

развития. В логике иных путей и альтернатив усматриваются либо крайности, либо неполноценность, либо их смешение, своеобразное зеркальное переворачивание, формально сохраняющее те же структуры и связи, но приводящее к совершенно противоположному. И. А. Ильин видит особые типы отношений в системе человеческой деятельности, являющиеся подлинной основой цельности, отличные от привычных господства и подчинения, дуализма и борьбы между началами единого целого. Это отношения **Любви**, выражаемые в различных аспектах. К какой бы предметной сфере (начало *данности*) они не принадлежали, основой их согласия и примирения будут объективные духовные ценности (начало предметной *заданности*), отличия же будут заключаться лишь в способах сочетаний и проявлений (*осуществлении*). Все три аспекта неразрывны и неслиянны, воплощены в разных сферах, аспектах и уровнях. Философия И. А. Ильина — это призыв к духовному достоинству и верности, мужеству быть тем, кто ты есть и к чему призван, признание данности жизни и благодатности духа как важнейшей силы, протест против которой есть протест против Бога, мира и своего естества.

Высший уровень — план Божественного бытия (реальное сверхмирное Совершенство) представлен абсолютными объективными ценностями, великими духовными Предметами [См.: 3, С. 444-445] — *Истиной, Красотой, Добром, Верой (откровением), Свободой, Любовью, Справедливостью*, от которых исходят лучи к человеку в мир. Внешняя парадоксальность «Предметностей» (объективных ценностей) состоит в том, что они есть заданность для человека и вместе с тем данность для Бога, то есть сверхъестественны для человека бездуховного и естественны в своей сверхъестественности для человека духовного. Душа человека, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума призвана стать духовной через восприятие высших ценностей, воплощая их в культурном творчестве (осуществлении) в виде *научного поиска, художественного творчества, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества*. Душевные воля, ум и чувства человека, соответствующие своему призванию и природе, ведутся Духом и духовными органами — совестью, верой и любовью, которые образуют три великие движущие силы: совестную волю, верующую мысль и чувство любви [См.: 10, С. 424]. Лежащие в основе этих высших духовных актов — «нераздельные и неслиянные» СВОБОДА, ПРЕДМЕТНОСТЬ и ЛЮБОВЬ, выражают саму суть исторического развития и социального бытия в аспекте его осуществления. Его абсолютная целостная формула: **Свободная Любовь к безусловно Совершенному** [См.: 1, С. 97]. Каждая из трех основ выступает в различных исторических аспектах (религиозном, национальном, политическом, хозяйственном и т.п.). Свобода без Предметности ведет к безбожию и субъективизму, а без Любви — к политическому, экономическому и пр. своекорыстию и эгоизму. В свою очередь настоящая любовь не может быть несвободна. Она полноценна только тогда, когда предпочитает *объективно-лучшее*. Любимая формула И. А. Ильина: «Не по милу хорош, но по хорошему мил». Без Свободы Предметность (Истина, Добро, Красота) теряют свой высший смысл, самодеятельную природу и в условиях тоталитарного внешнего зажима становятся суррогатами или миражами.

Мнимым синтезам, эклектике, релятивизму и духовноподобию противостоит узкий путь цельности — Духовного реализма или новой метафизики. Вот лишь несколько формулировок ценностных императивов и подлинных синтезов, реконструированных на основе философии И.А. Ильина:

1. Вместо религий *Человеко-Бога* (антропоцентризм) и *Человека без Бога и против Бога* (сатанизм) или религий *Бога без человека* (пантеизм) или без Бога и человека (атеизм) — религия **Богочеловека** (христианство).
2. Вместо *Беспредметной ненависти, Любви к беспредметности* или *Беспредметной Любви* — **Любовь к предмету** (предметная любовь).
3. Вместо Собственной бездуховной свободы; насилия над чужим Самобытием или Самобытия свободных Духов — **Духовная свобода Самобытия**.
4. Вместо *Неправой силы, Бессильной неправоты* или *Формального законничества и Бессильного права* — путь **Правой силы** на основе правосознания.
5. Вместо *Слепой веры, Сознательного безверия* или *Мыслящей веры* — **Верующая мысль**.
6. Вместо *Злой воли, Бессовестного безволия, Безвольной совести* — **Совестная воля**.
7. Вместо «*Мироотвержения*» как *Отрицания мира* (противокультурного «христианство»), «*Миропочитания*» как *Отрицания духа* («культурной» безбожной цивилизации) или Обмирщения духа как приспособления к непреображаемому миру имени Христа и его учения («культурное христианство») — *Христианская Культура* как **Одухотворение мира** (мироприятие и преобразование мира исходя из Духа Христа), объединение частей на основе абсолютных духовных ценностей и общей цели, единство в многообразии, органичность разрешения, жизнеустойчивость и цельность.

Таким образом, реконструкция концепции И.А. Ильина позволяет выделить взаимосвязанные кластеры основных концептов «данности, заданности и осуществления», которые в единстве с основными уровнями бытия — «телесном, душевном и духовном», позволяют описать все многообразие культурных феноменов по ценностному духовному основанию, дать их классификацию, выстроить системную иерархию и предложить механизм их проектирования и оценки с применением операционализированных понятий. Можно предположить, что на уровне всеобщего модель И. А. Ильина прочитывается как живое единство «неслиянных и нераздельных» *данности, заданности и осуществления*, являясь отражением первообраза Св.Троицы, а в плане иерархии «*духовного, душевного и телесного*» — Богочеловеческой природы Христа.

Назрела потребность в конкретизации ценностного содержания любых видов деятельности как *ценностной культуры*, объединяющей и знания (рациональность), и методы (процессуальность), и смыслы (мировоззрение) в её внутренних, внешних и абсолютных взаимосвязях. Косвенным

отражением этой триады могут служить небезызвестные парадигмы, например, в той же этнологии: объективизм, инструментализм и конструктивизм.

Мощный эвристический потенциал концепции И.А. Ильина позволяет уточнить определение ценностей. Проецируя его идеи на современный контекст и терминологию, можно утверждать, что сущность ценностей метафизична и одновременно причастна миру. Их природа вне онтологической плоскости субъектно-объектных отношений, она не только не имманентна бытию (т. е. био-психо-социо-генетична), но и не трансцендентна. Историко-культурные факторы и явления являются лишь ее эпифеноменами. Сущностью ценностей является дух, духовная сфера, но не кантовские трансценденции, гегелевский панлогизм и пантеизм, являющиеся умозрительной псевдодуховной реальностью зеркальных миров дурной бесконечности, образуемых саморефлексирующим дискурсом, не способным преодолеть плоскость двумерной рациональности, антиномий и оппозиций. Диадически-диалектическая природа философского рефлексирующего дискурса бессильна в выражении трехмерной природы духовности. Сфера ценностей софиологична. Это сфера божественного Логоса и inferнального анти-Логоса. Последний породил современный постмодернизм, апологию Ничто и метафизику своеволия. Диалектика содержит в себе самоотрицание, требует преодоления и выхода в триалектику — синтетичный и целостный способ не просто «отражения» бытия или «создания» небытия, но качественного *преображения* жизни и культуры по законам благодатной невынужденной самозабвенной любви в противовес его антитезе: безблагодатному гетерономному (внешнему) изменению или глубинному саморазрушению (деконструкции), т.е. самоуничтожению.

Ценность есть сила, имеющая началом своим данные от природы качества (инвариантность), определенное *задание* (интенциональность) и конкретную форму осуществления (интенсивность и вариативность). Ценности воплощаются в виде социальных норм, которые создают должный (идеальный) порядок отношений, ориентируя человека жить по образцам, которые даны и заданы одновременно. Они имеют многомерный, многоуровневый и системообразующий характер. В идеале ценности ориентированы не на сиюминутные, конъюнктурные цели, а на конечные перспективы, интегрируют общество, осуществляя связь поколений и создавая наиболее прочный фундамент стабильности для всестороннего развития личности. Осознаваемые или нет, утверждаемые, закрепляемые или только лишь провозглашаемые в виде *моральных, религиозных, традиционных и правовых* норм объективные начала добра, справедливости, истины, любви, веры, свободы, красоты, творчества образуют живую духовную реальность. Для них характерно культурно-историческое многообразие форм и универсальность иерархии, где задается окончательный смысл развития различных сфер и предельные критерии совершенства.

Ценностная культура дана в трех измерениях: существующая данность (познаваемая в рациональности), *промыслительная заданность* (постигаемая верой) и *форма осуществления* (творчески реализуемая в экономике, политике, образовании, науке, искусстве, семье, быту и регулируемая социальными нормами — традицией, религией, моралью, правом). Многомерность понятия культуры не должна заслонить главного — по призванию она носит всеобщий

преобразующий характер исходя из абсолютных ценностей. По предметным «данным» сферам она общезначима, конкретна и эмпирична, по формам «осуществления» она многообразна и субъектна — индивидуальна, социальна и национальна.

Подобное познается подобным. Так познанию объективных законов мироздания соответствует *наука* с ее сухой абстрактной рациональностью, не терпящей сантиментов, познанию живых и многообразных форм бытия — *искусство* с его конкретной художественной непосредственностью и эмоциональностью, наконец, не просто познанию как простому отражению, но волевой природе действия, соответствует *нравственность* с ее правом вести, управлять, оценивать.

Социокультурные ценности общества, выразителями которых мнят себя политическая, экономическая, культурная элита или СМИ, являются относительными, преходящими, но претендуют на то, чтобы стать мерилем наших поступков. Мир человека упорно объясняют часто из него самого, измеряя абсолютное относительным. Такое понимание, когда игнорируются метафизические силы развития, не дает общезначимых истин, затемняя смысл человеческой истории и корни социальных «болезней».

На уровне «духа» Истина, Красота, Добро предстают уже не в историко-культурном относительном плане, а в Абсолютном. Они заданы изначально, к ним устремляется все существо человека и несет в себе данные от природы силы: - верный интеллект стремится познать Истину и становится мудрым разумом;

- полноценные чувства наслаждаются Красотой и становятся прекрасными;

- воля обретает силу в стремлении к Добру и становится совестной.

Такое возможно лишь при условии, когда все силы души одухотворены стремлением к *цельности, справедливости, любви*. Последние в свою очередь ведомы соответствующими формами социокультурной жизни и институтами: *религией* на основе личной непосредственной цельной веры в Бога, философией на основе разума и стремления к Абсолютной Истине, *государством* на основе права и справедливости, семьей на основе любви и рода.

Эта модель противостоит материализму и всевозможным позитивистским концепциям, поскольку духовное рассматривается как синтез душевного и материального и понимается принципиально в иной плоскости, не сводимой к простой образованности, знаниям, искусству и даже морали. Духовность отнюдь не целесообразность, но прежде всего смысловая направленность, связанная с Высшими синтетическими силами, образующими цельность объективного и субъективного, свободы и необходимости, данности, заданности и осуществления. Благодаря духовности снимается извечный дуализм, антитетизм мира и человека как в самой действительности, так и в её понимании.

Существенной характеристикой является то, что духовная сфера не тождественна сфере сознания («души»), то есть интеллектуальные, чувственные и волевые потребности человека и соответствующие им институты и формы деятельности по своей природе не есть собственно духовные. Они могут лишь стать таковыми, находясь в гармоничной взаимосвязи со сферой духа, обязательно ей подчиняясь. Современная ситуация в мире как раз обнажает опасность бездуховности, которая проявляет себя именно как отсутствие цельности, гармоничной взаимосвязи всех аспектов и уровней.

Высшая духовная ценность Любви наиболее интегративна и образуется единством трех составляющих:

1. Самобытие (имманентная автономность и самоидентичность), т.е. самостоятельность, добровольность. Это «дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы». Функционально этому аспекту соответствует такой вид социальной нормы как Мораль, поскольку по своему истоку (изначальной природе) она внутренне свободна, невынуждена, распространяется на самого человека, опираясь на совесть и внутренние убеждения, побуждающие поступать в соответствии с осознанным свободным выбором должного. Она «дана» каждому изначально хотя бы в зародыше и отражает непреодолимую автономность человеческого опыта и самобытия.

2. Предметность, т.е. желание, видение и осуществление заданного Высшего Блага, реальной духовной силы. Это «потребность Священного и как радость верного ранга». Этому аспекту любви соответствуют религиозные нормы социальной регуляции, определяющие ценности в содержательно-объективном плане, предполагающие благоговейное отношение человека к тому, что «выше его» и предстают как «задание», «конечная цель», призваны определять его жизнь.

3. Жертвенность: (кенозис, отдача вплоть до самопожертвования). Это служение чему-либо как осуществление. Этому аспекту любви соответствуют традиционные и правовые нормы, истоками имеющие опыт предков (образующие связь поколений, закрепленные в обычаях и действующие в границах этнокультурной группы), а также существующее государство (регулируемое правовыми законами, опирающееся на правосознание граждан, внешнюю силу и всеохватность).

Воистину «Бог есть дух» (Иоан. 4:24) и «Бог есть любовь» (Ин. 3:16).

Ценностный подход позволяет создать модель социальной регуляции для новой России.

Оторванные друг от друга, действующие сами по себе, социальные нормы обнаруживают недостатки, призванные к преодолению и восполнению, но обязательно во взаимодействии с другими нормами. Так, не смотря на преемственность, обычай как таковой несет опасность застоя, автоматизма, исполнения нормы по привычке (как заведено, сложилось, «как все» в рамках данной этнокультурной общности); религия, несмотря на цельность, может распространяться лишь на последователей данной веры (в поликонфессиональном обществе она

уже не может быть универсальной); мораль, не смотря на внутреннюю свободу и угрызения совести, чревата опасностью субъективизма и дидактизма; право, не смотря на строгую упорядоченность и всеохватность в рамках этнополитического союза, в любом случае носит внешний характер предписаний и в отрыве от других норм ведет к формальному «законничеству». Ценностная модель социальной регуляции предполагает идеальное взаимодополнение норм, где национальная культура могла бы свободно созидаться на основе веры, совести и правосознания без их взаимоотрицания и этнополитических конфликтов, образуя внешние и внутренние границы безопасности, защищающие общество и человека от социального зла и расколов.

Нечистый дух нарушает иерархию, искажает взаимосвязи, доводя до абсурда необходимые основы жизни: в либерализме — свободу, в демократии — народ, в фашизме — нацию, в материализме и атеизме — материю, в экономизме — экономику. Поэтому альтернативой рациональной веры может быть лишь верующая мысль, формальному бессильному праву — правая сила, модернизации под знаком миропочитания — духовное миропреображение, паразитарной экономике и глобализации — экономика труда и справедливости, индивидуализму — подлинная свобода творчества в духе. *Вся человеческая культура, в т.ч. и политическая, прочитывается как икона и подлежит освящению.* Смысл всех ересей — в том, чтобы не произошло подлинного соединения полноты божественного и полноты человеческого естества в ипостаси Бога Слова для того чтобы лишить падшее человеческое естество спасения, которое оно получает через приобщение к божественному, преображая себя и мир.

Сейчас назрело время оправдания необходимых элементов культуры. Так например, политика плоха не сама по себе. Она призвана к преображению, хотя и дискредитирована либерально-демократическим фарсом, пародией на правовое государство. Как, впрочем, и многие другие необходимые составляющие культуры: социальная справедливость — коммунизмом, свобода — западным либерализмом, религия — доктринерством, фанатизмом и ересями, мораль — лицемерием, право — формальным законничеством, частная собственность — безудержным потребительством, государство — чиновничьей коррупцией и плутократией.

Русская идея и система ценностей выражают не только сугубо свой национальный интерес (сохранение и развитие языка, культуры, социально-экономической безопасности и т.п.). Речь идет о всемирном характере и общезначимости исторического опыта русского народа. Русская идея есть идея всемирная, абсолютная, а русский путь промыслительный и спасительный для всего человечества. Это находится в согласии с логикой и фактами истории, православным вероучением и характером русского народа — его устремленностью к абсолютной Правде и убеждением, что она есть и достижима. Россия призвана решать и решает любую проблему в ПРИНЦИПЕ, в самом существе своем. Это касается всего: искусства (гармония образа), науки (фундаментальность и креативность), образования (воспитание как единство знаний, методов и смыслов), религии (цельность и всемирность), государственности (единство веры, власти и народа) или военной мощи (как защита слабых и узда для сильных).

Всемирно-историческое значение приобретает традиция русской религиозно-философской мысли не просто как самобытная часть общечеловеческой культуры, но универсальная методологическая основа понимания любого культурного феномена. Эта особая роль в мировом духовном процессе обусловлена отнюдь не «*сущим*» доминированием и количественным преобладанием. Она связана с воплощением «*должного*», преодолением крайностей и снятием оппозиций, разрешением антиномий на основе более совершенного способа философствования, с целостным преображением мира.

Россия своим тяжким историческим опытом и выдающимися достижениями предлагает миру спасительный путь выхода из тупика, в котором оказалось человечество. Отсюда назревшая необходимость переоценки по-прежнему претендующей на универсальность западной системы ценностей, к сожалению оказавшейся в основе российской политики постсоветского времени, и необходимость обретения верной национальной духовной основы, но не в значении этнокультурного изоляционизма, а в смысле устремленности к Истине в национально-культурной форме.

Сегодня вопрос об этнокультурной политике современной России упирается в осознание и формулировку национально-государственной идеи, которая есть не просто очередной «конструкт», чья-то выдумка, но, говоря словами Ильина, то что предстоит уже как факт, внутренняя сила, что уже ведет народ в истории, всегда вело его и что нашло и будет находить выражение в его собственном иррациональном творчестве. Она всегда была в народе не только как идеал-образец, далекая недостижимая цель, но которая является движущим «определяющим мотивом в борьбе с материей за ее преображение». Она есть благая сила, выражающая и призвание (заданность) и присущее своеобразие (данность) и духовно-исторический путь (осуществление). «Скрытая и еще не развернувшаяся для прошлого, она все больше и дальше развернется в будущем». Россия уже жила и живет ею «во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях» [6, С. 323.]. Русский народ прежде всего — народ чувства, и главный его творческий акт — акт сердечной любви. Важнейшая реальность России — это ее государственная, политическая и военная история, военные победы России, ее героические усилия в борьбе с внешними врагами, то, что составляет ее славу и гордость. Это касается и достижений науки, то есть всего того, что свидетельствует о величии державы и силе ее духа. Здесь все — «и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад», объединенные единым национальным духом свободы и любви [См.: 4, С. 10; 5, С. 413, 595-598].

Чтобы понять суть русской идеи как особой силы, определяющей судьбу нации, И. А. Ильин обращается к первоначалам любой национальной жизни. Во-первых, это объективная **данность** (присущие исконные глубинные этнопсихологические качества, географические условия, антропологические характеристики и пр.). Далее, это собственно само национальное **задание**, некое духовное предназначение, национальные идеалы, ведущая идеология, вера,

доминирующая цель развития, объединяющая, интегрирующая сила или фактор, определяемый часто как национальный дух, то есть некое метафизическое непреходящее духовное начало, действующее в России и характере ее народа. И, наконец, типичные способы и конкретные формы **осуществления** этого задания исходя из исторической данности (главные стержневые темы русской истории, ее социальные группы, характерные исторические пути развития на разных этапах, выбор России в переломные ключевые моменты ее истории — революциях, реформах, войнах; это конкретно-исторические формы хозяйственной, региональной, этнокультурной жизни различных социальных слоев и сфер, в которых выражается главная идея страны, то есть многообразные переменные величины, связанные с историческим процессом).

И. А. Ильин обращается к трем историческим основам национальной жизни — вере (**православию**), **государству (самодержавию)** и **народу (русской нации)**, то есть к тому, что составляет «ген» любого общества и в частности России, то, что собственно породило Россию как особую силу, величину и движет ей. Эти начала — Церковное, Народное и Государственное — воплощают в себе триаду Предметности (объективной истины), Свободы (индивидуальности) и Любви (цельности). Необходимые социальные формы, наполняемые конкретным содержанием и связанные друг с другом единым Национальным Духом — это Церковь, соответствующая духовной Предметности, Народ, соответствующий Свободе и творчеству, самобытию и, наконец, *Государство* — призванное к солидарному способу единения, Любви. *Государство* есть источник внешнего порядка и мира, помощник народу и оборона для Церкви, оно властвует во внешнем, на внутреннее не покушаясь; — *Церковь* есть духовная хранительница, наставница и народа и правителей, но ее власть лишь внутренняя, без диктата; — Народ есть источник жизненной творческой силы и созидания, он творит земную культуру, черпая духовную силу в Церкви и служа Государству. Краткая формула цельности — «*Церковь учит. Государство правит. Народ творит*». *Единство между ними обеспечивается общим национальным Духом. У каждого народа он свой. Для русского же народа этот дух — христианский, наиболее полно выражаемый в православии [См.: 9, С. 322-323].*

Выступая против смешения, подмены или противопоставления этих сил и сторон в живом развивающемся национальном теле, обличая всякого рода интернационалистов, космополитов и псевдохристиан, разрывающих исторические Церковь, Nation и Государство под предлогом их неполноценности, И. А. Ильин подчеркивал, что «болезнь» жизненно важного органа требует его лечения, а не принижения или отсечения — иначе смерть всему организму. Более того, государственное и национальное в жизни народа — самое необходимое. Это традиция, в русской социально-философской мысли берущая свое начало от славянофилов, а в богословии — от митрополита Иллариона и Иосифа Волоцкого, утверждала, что искажения государственной политики и национализма требуют как раз не их унижения, а уравнивания с другими составляющими системы и полноценного развития. Национально-государственное единство — есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями, а искомая конкретная реальность и развивающееся «всеединство» и есть Родина. Защита личности и

внешняя свобода необходимы, но от зла, а не от благодати и предметности, даруемых и осуществляемых в этих универсальных совершенных формах.

Власть, не связанная канонически и не ограниченная национальными интересами, ведет к интригам, заговорам, убийствам, государственным переворотам, приводящим к политической нестабильности. Сама по себе монархия как таковая — отнюдь не гарантия стабильности и преемственности. Она являет собой необходимую, но недостаточную форму социальной организации для того, чтобы быть реальной удерживающей силой от прихода в мир антихриста. Сейчас стоит задача восстановления заповеданной священной триады в ее цельности через обретение верных взаимосвязей, ее составляющих, исходя из их природы и распределения, исторических предпосылок и современных условий. Осмысление религиозного содержания государственной власти, воспитание державного правосознания, систематическая критика западного либерально-демократического идола, покровительство русской национальной культуре, забота о благополучии народа и первоочередность обретения им православной веры должны стать важнейшими задачами современной России. Особенность нынешнего этапа — в том, что Россия, воскреснув и обновившись после коммуно-либерального «распятия» и расчленения, призвана показать миру спасительный путь цельности и христианизации всей общественной жизни перед «концом времен». Чтобы Россия осуществила свою миссию, став примером оформления духовной силы, оплотом и прибежищем для желающих обрести спасение во Христе, нужны самоорганизация русского народа, его православно-имперское просвещение и воспитание. Это собрание воедино:

- православных, но уходящих целиком в религию и недооценивающих значение национальной культуры или возможность восстановления самодержавной власти;
- монархистов, но игнорирующих национальный фактор или принижающих значение православной веры;
- русских национал-патриотов, придающих наибольшее значение национализму, но враждебно настроенных к самодержавной монархии и православию.

И. А. Ильину в равной мере чужды как консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия, изоляционизм, не принимающий новой технической культуры и просвещения, так и поклонение материи, бездуховность и технократизм цивилизации. Он ценит Петра I за то, что тот заставил людей преодолеть отставание в технике и знаниях и «постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой...» [7, С. 286-287]. До Петра небесное и земное не разделялись в русском самочувствии, национальное от вероисповедно-церковного. Именно с Петра начинается эпоха русского национального самосознания. Это было началом пути не разделения единого организма, но различения его частей. Церковное и религиозное не одно и то же. Церковь есть конкретное живое средоточие религии и веры и не

поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи, быта. Но она излучает живую религиозность, Дух, которому «везде место» и который способен проникнуть в любое человеческое творчество. Призвание России состоит в том, чтобы, открыв себе доступ к светской цивилизации и светской культуре, сильной и живой верой проработать, осмыслить и облагородить новые формы сознания, быта и хозяйства. Два последних века есть не что иное, как создание русским народом светской национальной культуры — рождения своего национального русского духа в виде *русско-национального творческого акта*. Этот акт должен быть верен историческим корням славянства — душе и телу Народа (*данному самобытию*), религиозному духу русского Православия (*объективной заданности*) и осуществляться в адекватных национальных формах, соответствующих данным предметным сферам — светской русской науке и литературе, русском искусстве, русском правосознании, праве и государственности, русском укладе хозяйства, быте и нравственности [См.: 7].

Особое значение для русской души имеют внутренние установки — сердечное созерцание, любовь к свободе, детская непосредственность, живая совесть, воля к совершенству во всем, вера в божественное становление человеческой души и природы, смирение, терпение и стремление к духовному очищению. Но именно в православии русский получает их в виде молитв, старчества, праздника Пасхи, почитания Богородицы и святых, а также икон. В них содержится ключ к русской религии, душе и истории, которые конечно лишь к ним не сводятся, но без которых не могут быть познаны и осуществлены.

Русским важно созерцать и иметь живой конкретный образ, откуда они черпают творческий дух и свою жизненную силу. Важен символ национального Боговосприятия и дается он от имени народа и за народ его гениями и пророками. Это радостное самоутверждение народного духа в Боге, путь к вере через очевидность вдохновенного созерцания и мироприятия. Желанную меру разума, страсти и веры, власти и свободы, мечтательности и реальности, человеческого и божественного многие мыслители находили, например, в Пушкине. Соблюдение этой меры и есть не что иное как русский национальный духовный акт или русский дух. Так Пушкин, говоря словами Ильина, пророчески указал народу России его жизненную цель: *жить во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности — божественными содержаниями — в совершенной форме* [См.: 2, С. 70-72; см. также: 8].

Итак, особенность формулировки И. А. Ильиным русской национальной идеи как *творческой, реальной ведущей* силы в том, что она есть добровольная христианизация всей *культуры* через свободное созерцание сердцем как постоянное стремление к Совершенству. Масштаб, энергия, сила таланта, фундаментальность работ и цельность личности И.А. Ильина, творившего из любви к Богу, Истине и России, вызывают восхищение и гордость за наш народ и культуру, а его метод мог бы стать ключом для нынешних политиков в строительстве новой России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: Рарогъ, 1993.
- [2] Ильин И. А. Национальная миссия Пушкина // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. – М.: Русская книга, 1993-1999.
- [3] Ильин И. А. О монархии и республике // Собр. соч. Т. 4.
- [4] Ильин И. А. О России // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2.
- [5] Ильин И. А. О русской культуре // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2.
- [6] Ильин И. А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.
- [7] Ильин И. А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И. А. Наши задачи. Т.1.
- [8] Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Собр. соч. Т. 6. Кн. 2.
- [9] Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т. 1.
- [10] Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т. 3.

© Закунов Ю.А., 2015.

Статья поступила в редакцию 15.10.2015.

Закунов Юрий Александрович,

кандидат философских наук, доцент,

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: zakunov.yuri@mail.ru.

**METAPHYSICS OF I.A. ILYIN'S RUSSIAN IDEA IN THE CONTEXT OF THE MODERN NATION-
STATE DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Abstract. The article summarizes the essence of I.A. Ilyin's historiosophical model, outlines possible lines of its application and specification, particularly for determining the category of «value» and the constants of development of modern Russia.

Key words: Russian idea, Ilyin, spiritual wholeness, the values, I.A. Ilyin's concept, Verity, Beauty, Goodness, Love, culture, State, consciousness

Zakunov Yuri Alexandrovich,

14

Ph.D., assistant professor,

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after Dmitry Likhachev Moscow),

e-mail: zakunov.yuri@mail.ru.